

Н.Г. Краснодембская

**В БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЯХ ШРИ ЛАНКИ
(о личных впечатлениях 1980–1988 и 2009–2014 гг.)¹**

Прежде мне удалось побывать в Шри Ланке дважды: целый месяц я провела там в конце 1979 и начале 1980 гг. Мне тогда очень повезло: жила не в гостиницах, а исключительно в домах друзей (большинство из них получали высшее образование в Ленинграде), общалась практически только с местными жителями (редко обращаясь за помощью или советом к соотечественникам — дипломатам и журналистам) и потому успела «вжиться» в ланкийский быт, почувствовать «этнический дух», узнать многое о местной культуре непосредственно из «первых рук». Удалось осуществить и путешествие по значительной части страны, посетить важнейшие памятники истории и культуры, включая, конечно, буддийские достопримечательности (рис. 1, 2, 3, 4, 5). Тогда я думала, что моя поездка вряд ли повторится, и оттого, как губка, впитывала всю получаемую информацию, буквально по-гусиному ее «заглатывала».

Но случился и второй раз: в 1988 г. я смогла прожить в «своей стране» даже три месяца. Теперь трудилась более размеренно, больше времени уделила изучению музейных материалов, работе в библиотеках, целеустремленным опросам информантов.

И в первую, и во вторую поездку многие люди приходили мне на помощь — сингалы добры и приветливы, а также высоко ценят интерес чужеземца к их культуре и языку. И городские, и деревенские жители, сотрудники различных учреждений, местные коллеги и домашние хозяйки проявляли интерес к моей работе и готовы были оказать посильную помощь. В частности, ланкийские друзья и знакомые сопровождали меня во всех поездках и походах — в местных условиях я вряд ли могла бы в одиночку за короткие сроки добиться

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00168 «Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг.: История, коллекции. Научное наследие» (руководитель проекта: Н.Г. Краснодембская).

нужных мне результатов и даже просто чувствовать себя в безопасности.

В числе друзей, помощников и информантов были и хранители главной местной веры — монахи буддизма тхеравады. Изучение этой религии в ее актуальной народной форме, традиционного мировоззрения сингалов было одним из важнейших направлений моей работы². И, конечно, посещение буддийских монастырей, наблюдение за их жизнью, знакомство с настоятелями монастырей и их «штатом» всегда входило в мои планы.

Во время еще первой поездки мне предложили прочитать лекцию в нашем культурном центре об истории изучения языка и культуры сингалов в России и СССР. В довольно просторной светлой аудитории тогда собралось человек тридцать слушателей, и мое волнение усиливалось оттого, что большинство составляли как раз монахи: комната переливалась желто-оранжевыми оттенками их одеяний, свет отражался от тщательно побритых голов. Волновалась я, как оказалось, напрасно: присутствующие на лекции были внимательны, доброжелательны, слушали заинтересованно, вежливо задавали разумные вопросы.

А вскоре у меня появился добрый друг из местных монахов — одновременно и покровитель, и информант. Это был пожилой дядя моей сингальской подружки, настоятель одного из монастырей ветви сиям-никая, расположенного на юго-западной равнине острова, не слишком далеко от Коломбо. Этот человек к тому времени уже побывал в Советском Союзе, участвовал в международной конференции религиозных деятелей (разных конфессий), принимавших участие в движении за мир во всем мире. Ему понравилась наша страна и был приятен мой интерес как ее представителя к культуре сингалов.

В том монастыре я впервые воочию наблюдала и устройство монастырского комплекса, и жизнь самих монахов, и их отношения с прихожанами. Мне не уставали отвечать на вопросы, показывали все уголки и сокровища монастыря. Предложили посадить на его территории молодое деревце манго. Меня угощали обедом: его при-

² Уже к 1983 г. мне удалось опубликовать на эту тему несколько статей и монографию [Краснодембская 1983].

готовила пожилая прихожанка специально для меня — с набором самых традиционных (и очень вкусных!) блюд. Вначале настоятель (стоя) произнес небольшую речь о сближении культур разных народов и стремлении к миру во всем мире.

Стол был накрыт для меня одной (так часто угощают чужих и в домах мирян, так как совместное принятие пищи строго регламентируется этикетом и ритуалом, существует и ряд табу) (рис. 6), и только после моей слезной мольбы одной молодой женщине разрешили разделить со мной трапезу. Зато одобрительно восприняли то, что прежде, чем приступить к обеду, я угостила бананом присутствовавшего там маленького ребенка. И все-таки вкушать яства (в том числе волшебной вкусноты спелый плод папайи, только что снятый с монастырского дерева) пришлось под взглядами стоявшей вокруг небольшой толпы, состоявшей из мирян и монахов.

В другой раз, заметив, что я устала от жары и напряженной работы, в том же монастыре мне предложили комнатку для отдыха, где я поспала часа два. Меня поразило такое внимание, но оно не противоречит традиции: в монастырях могут найти приют утомленные странники.

В 1980 г. я впервые посетила древний буддийский пещерный храм в Дамбулле (см. рис. 5). Случилось так, что я попала туда со своими спутниками ко времени заката (для нас даже отложили закрытие входа). Так что когда, осмотрев скульптуры и росписи уникального памятника, мы вышли наружу, уже была сплошная тьма. Для меня, с больными ногами, подъем на гору по каменному склону с редкими крутыми лесенками был непрост, а спуск в темноте по гладкой и влажной поверхности (к тому моменту пошел дождь) оказался еще затруднительнее. Я крепко держалась за руку мужа моей подруги, а двое молодых служителей культа помогли нам на самом трудном участке: один светил фонариком, а другой держал над нами зонт. Так они проводили нас по горе до того уровня, где находилось их общее жилое помещение. А дальше спуск был уже ровнее и не такой крутой. Бывало, мне делали и другие поблажки: например, разрешали войти на территорию монастырей в туфлях (обычно обувь снимают еще перед входом), что очень облегчало мое положение. Случалось, позволяли сидеть в присутствии монахов. Такая

снискходительность согласуется с общим принципом милосердия, который лежит в основе буддийского отношения к существу.

Открытость — характерная черта сингальских буддистов в общении с представителями иных вероисповеданий, в том числе с атеистами. Вход в их монастыри и храмы свободный, как и приближение к святыням³.

Старинный храм в Панадура был первым, куда повели меня друзья (тоже было предзакатное время, и верующие в основном уже уходили из храма). Меня заметили две женщины, у одной в руках была плетеная тарелочка с лепестками цветов для возложения на алтарь к Будде. Обменявшись взглядами, они вдруг подошли ко мне и вручили эту тарелочку, как бы предлагая совершить подношение вместо них. То был жест гостеприимства (за свое деяние я могла снискать милость Будды), одновременно полезный для них самих как добродетельный поступок.

Дружественно относившийся ко мне настоятель монастыря, о котором я упоминала, расспросил меня о дате и времени моего рождения и затем собственноручно изготовил для меня талисман — *янтра*, медную капсулу с вложенной медной пластинкой, испещренной благоприятными знаками и фразами, как охранный предмет, полезный и для здоровья.

В храме Упулвана/Вишну⁴, куда я попала тоже по протекции упомянутого монаха, жрец богов-покровителей (*капура*) возле гигантской статуи этого божества прочел молитвы о благополучии моем и моей семьи.

Подобную свободу сингалов в обращении с символами веры можно объяснить мировоззренческими понятиями: вера как таковая рассматривается здесь как важнейший элемент культуры. Поэтому распространено общее уважительное отношение к религии вообще. Буддийские культовые предметы считаются перманентно благоносящими и оттого способствующими обретению благополучия их

³ Теперь их иногда охраняют, вплоть до военной стражи, но только из-за опасения терроризма. На то были причины: во время гражданской войны на острове 1983–2009 гг. однажды была подорвана часть храма Зуба Будды в г. Канди (см. рис. 4).

⁴ У сингалов-буддистов также существуют народные культы: богов-покровителей, астрологический и даже демонический [Краснодарская 2003].

владельцами. Так что «поделиться» святыней означает проявить добросердечие и гостеприимство.

Приветливость, внимание к гостю заложены в этикетных правилах сингалов — это проявление воспитанности. Этикет у жителей Шри Ланки — разработанная система, и его соблюдение считается важной социальной обязанностью и элементом культурности. Действительно, эти люди обычно приятны в общении, как сказали бы мы — интеллигентны. Тем более это проявляется в среде монахов: сдержанность, спокойствие, проявление доброты — норма для них в обращении к окружающим.

В моей научной жизни было два случая общения с подопечными из монашества: два сингала, бывшие у себя дома буддийскими послушниками (*саманера*), приехав учиться в Советский Союз, отказались от своего сана и монашеского пути в своей жизни. Один был филологом (он сравнивал сингальский язык с русским), другой — этнографом (он изучал социальную культуру собственного народа), и у обоих я выступала консультантом как единственный специалист по языку и традициям сингалов. Оба были очень воспитанные молодые люди, но их приверженность к строгому исполнению этикета иногда приводила к казусам.

Для меня они были не только студентами (затем и аспирантами), но и, конечно же, информантами. При наших научных беседах я не сразу разобралась, что иногда на мои вопросы или предположения они отвечали утвердительно не потому, что были согласны со мной, но только из уважения — они просто не могли сказать «нет» старшей по возрасту, да еще и своему учителю. Пришлось при опросах придумывать специальные подходы.

В сингальском этикете выработаны разнообразные знаки уважения, которые должны демонстрировать миряне по отношению к буддийским монахам. Кроме специальных формул обращения к ним, существуют особые слова для понятий «ходить», «говорить» и других (в таком же роде) для употребления их в отношении монахов. В присутствии монаха нельзя сидеть, а если делается исключение для старого или больного человека, то его сажают на более низкое сидение. Приглашая монаха в дом, предлагают ему самый высокий стул и покрывают его белой тканью. Нельзя, например, находиться с подветренной стороны от него и т.п. В знак приветствия монахам

глубоко кланяются, держа сложенные ладони перед грудью, а при прощании (которое в сингальском этикете считается более важным) для соблюдения правил нередко буквально падают ниц, вставая на колени или даже простираясь всем телом на земле или на полу. Такова и одна из подчеркнутых форм выражения почтения и преданности Будде (рис. 7). Похожим образом кланяются родителям и старшим родственникам в особо торжественных случаях.

В обыденной жизни миряне между собой могут позволить критические замечания в адрес монахов, даже шуточки, высказывают иногда сомнения, что те всегда соблюдают правила монашеского существования. Но реально в этикете всегда отдают им предписанную дань почтения.

Жизнь монахов постоянно переплетается с жизнью мирян, особенно обитателей монастырей — с их прихожанами. Согласно классическим буддийским представлениям, миряне должны содержать монашескую общину: кормить, поить, одевать, оказывать любую помощь. И это отражается в ряде обрядовых действий. Монахи (обычно из младших) время от времени совершают ритуальный обход своей паствы с чашей для подаяний по домам — чтобы получить еду, но в наши дни делают это не каждый день. Считается, однако, что в древности такой обычай был каждодневным.

Монахов приглашают на определенные церемонии в дома верующих. Тогда их тоже угощают и затем одаривают предметами, необходимыми им в быту: одеждой, веером, фильтром для воды и т.п. Подношения и услуги осуществляются и непосредственно в монастыре.

Однако монастыри имеют и собственные средства. Раньше они в основном состояли из взносов, приносимых теми, кто вступал в общину, а также из подарков мирян, некоторых доходов с монастырских земель, сдаваемых в аренду крестьянам, и т.п.

Монахи, в свою очередь, несут определенную ответственность за входящих к ним верующих. Кроме духовного окормления (чтение проповедей, проведение наставительных бесед) и оказания своего рода магико-защитных услуг (совершение обрядовых действий, чтение гороскопов, составление талисманов и т.д.), монахи дают советы по жизненным вопросам, беспокоятся о здоровье, учебе прихожан (рис. 8).

Когда человек уходит в монахи, считается, что он уходит и из семьи, то есть словно теряет родственный статус: он уже и не сын, не брат... (рис. 9). И члены семьи называют его не терминами родства, а по названию монашеского статуса или, по крайней мере, «наш монах». Но обычно реальные связи с семьей все-таки полностью не прерываются.

В ходе поездок по стране в 2009–2014 гг. я отчасти ставила уже новые для себя задачи. Хотела побывать в местах, где не бывала раньше: так, съездила на север страны, куда путь был закрыт во время гражданского конфликта. В 2009 г. впервые побывала на чайных плантациях, в некоторых природных заповедниках, более подробно изучила свадебный обряд. Проехала по местам, связанным с именем крупнейшего сингальского литератора, историка и просветителя Мартина Викрамасинхи, изучила собранные им коллекции по народной культуре сингалов, посетила мемориальный отдел Национальной библиотеки, где хранится личное собрание книг М. Викрамасинхи. Даже встретила с его сыновьями и другими родственниками.

В 2013 г. основная работа соотносилась с тематикой гранта РГНФ № 13-01-00168⁵. Я, в частности, выбрала для себя три цели, наиболее удаленные по маршруту и потенциально малонадежные по результату. Это была горная деревня Ампития в районе г. Канди, где около ста лет назад несколько месяцев прожила Л.А. Мерварт, изучая мировоззрение, семейно-брачные традиции и фольклор сингалов. И, оказалось, здесь еще помнили о ней!

Затем, в сердце провинции Сабарагамува (некогда это была настоящая глушь), посетила бывший дворец сингальского аристократа Мадуанвалы, где он принимал наших этнографов как почетных гостей. Об этой встрече они подробно и ярко написали в своей книге «В глуши Цейлона», вышедшей в Ленинграде в 1929 г. Теперь это, можно сказать, «глубинка», но далеко не глушь. Род аристократа прекратился, а его владения переданы Министерству культуры Шри Ланки для устройства музея.

⁵ Грант РГНФ № 13-01-00168 «Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг.: История, коллекции. Научное наследие» (руководитель проекта: Н.Г. Краснодембская, участники: Е.С. Соболева и И.Ю. Котин).

Третье направление — крайний северо-запад Шри Ланки, где Мерварты знакомилась с дравидским населением и откуда они уезжали в Индию. Это и теперь в значительной степени тамильский край, а также христианский. Здесь тоже удалось сделать интересные наблюдения.

В 2014 г. основной задачей было специальное изучение народных ремесел сингалов: керамического промысла, традиций плетения и обработки древесины. В данном случае моей спутницей и товарищем по работе была археолог из Эрмитажа И.В. Калинина. Двухнедельная поездка оказалась для нас весьма успешной во многом благодаря самоотверженной помощи сингальских коллег и друзей.

Но, разумеется, обойти стороной буддийские монастыри и монахов было невозможно и в этих поездках, тем более что нередко здесь мы тоже находили помощь в наших делах и нужные нам сведения.

Перерыв в моих прямых контактах с монашеской общиной сингалов составил двадцать лет. За это время в стране случилось много трагических событий: с начала 80-х годов XX в. до весны 2009 г. шла активная фаза гражданской войны. В 2004 г. произошло чудовищной силы цунами. Погибло много людей, семьи теряли своих членов, а иногда гибли и в полном составе. Очень осложнилась экономическая ситуация в стране. Конечно, глубоко изучить и серьезно оценить изменения в социальной жизни ланкийского общества за короткий срок нельзя. И все же некоторые наблюдения возможно сформулировать.

Начну с того, что люди, несмотря на перенесенные страдания, сохранили благородство, достоинство, воспитанность в поведении. Укрепилось национальное самосознание, и проявляется внимание к утверждению своей культурной идентичности. В этой связи усилено обращение к традиционным национальным ценностям, среди которых буддийское вероучение занимает первое место. В частности, обновляются старинные и создаются новые символы и культовые сооружения буддизма. Обращено внимание на историю, развивается археология, создаются новые музеи исторического характера. Специальные усилия направлены на возрождение и развитие народных ремесел.

Союз монахов и мирян по-прежнему нерасторжим, и, по видимому, жизнь в монастырях идет без особых перемен. То же

почтение в отношении монахов, те же связи у них с жизнью мирян, может, они даже стали разнообразнее и активнее. Но что-то все-таки изменилось. Конечно, это ощущение, но все же мне показалось, что смягчились некоторые этикетные строгости. Именно смягчились — не в принципах, а в оттенках поведения монахов и мирян. Если так можно выразиться, понизился градус «пафосности», однако в смысле не опрощения отношений, но сближения в жизненных целях.

Иностранцам общение с членами монашеской общины стало доступнее: молодые служители культа часто хорошо владеют английским языком (лет 20–30 назад дело обстоит иначе) (рис. 10). Среди моих знакомых есть и такие, кто свободно говорит на русском языке и даже обладает соответствующей степенью — они учились в Москве, в Российском университете дружбы народов. В обращении к такому монаху сочетаются термины «многочотенный тхеро» и «доктор».

Надо сказать, что знание чужаком местного языка и традиций весьма ценится и тоже очень помогает.

Кажется, не так щепетильно относятся к разнице в высоте сидений и других позиций при контакте мирян и монахов. Нас с коллегой и местными спутниками сами хозяева монастырей иногда встречали уже у входа в помещение, где потом велась беседа. Также обычно усаживали для разговора, поили чаем, соками, угощали фруктами и мучными изделиями. Случалось, принимавший нас монах сидел тут же, на небольшом расстоянии. Но если приглядеться, сидение, используемое им, было или хотя бы чуточку выше прочих, или подчеркнуто более солидное, добротное, часто красивой работы. Аспект разграничения статусов подчеркивался хотя бы минимально, но обозначенной дистанцией, а также попечительским тоном хозяина и почтительностью со стороны мирян.

Конкретный опыт моих (со спутниками) посещений монастырей в 2009–2014 гг. принес такие наблюдения. Настоятели их не чинились с нами, принимали приветливо, беседовали с интересом. В старинном монастыре в Аукане, прославленном гигантской статуей Будды (рис. 11), когда я взобралась в преддверие обители по крутой для меня лестнице, мне тут же вынесли кресло. Беседа началась сразу, как меня усадили, и вышло так, что все остальные (и сам

настоятель, и его прихожане) стояли(!) вокруг меня (рис. 12). Позже мы поднялись на следующий уровень, и там настоятель распорядился угостить нас чаем вприкуску с кусочками пальмового сахара (на мой взгляд, очень вкусно). И даже выходил к нам спросить, не голодны ли мы, не подать ли нам чего-нибудь еще. Хотя мы были сыты, нам принесли еще бананы. За одним столом с нами сидела и угощала нас местная учительница. Как выяснилось, она пришла к настоятелю по делу: они вместе хлопчут о строительстве новой школы, где дети округи могли бы получать более продвинутое, современное образование.

В других монастырях нас тоже угощали: напитками, фруктами и сладостями (это старинная традиция).

Мне позволялось войти на территорию и в некоторые помещения в обуви. Никто не предлагал мне снять туфли, хотя мои местные спутники свою обувь снимали, это же делали и мои соотечественницы⁶. Так было и в Васакадуве (рис. 13), где главный монах принимал меня в таком виде даже в собственном кабинете. Однако, показывая мне новое монастырское строение, где помещалась главная статуя Будды, внутрь он меня не пригласил, но широко распахнул входные двери и придерживал их в таком положении, чтобы мне было удобнее рассмотреть внутреннее убранство. Фотографии помещения сделал для меня мой сингальский коллега. Чтобы подсластить мое возможное, как ему, наверное, казалось, разочарование, он поручил кому-то из младших принести мне фруктов «на дорожку», и я уезжала с полиэтиленовым мешком, где лежали апельсины, бананы и даже яблоки.

Надо отметить, что все описанные случаи монашеского гостеприимства были бескорыстны; наши небольшие подарки были здесь просто вежливой данью. Приветливость хозяев вызывал только наш интерес к местной культуре и отчасти — их собственный интерес к России.

⁶ Вышло так, что в каждой поездке меня кто-то сопровождал: один раз — подруга, мечтавшая увидеть прекрасный остров, в другой раз — аспирантка, изучающая культуру аборигенного населения Шри Ланки — веддов, в третий раз, как я уже упоминала, — коллега-археолог из Эрмитажа, интересующаяся историей и практикой местного гончарства.

А между тем показалось, что трудности социально-экономической жизни в стране сказались и на положении монашеской общины — ведь их благосостояние зависит от благосостояния прихожан. Как уже говорилось, заметно, что те и другие солидаризируются и стремятся ко взаимной поддержке. Но появилось и нечто не вполне обычное: некоторые религиозные деятели пытаются найти новые источники средств за рубежом. Иногда они просто ищут благотворительной помощи у единоверцев (например, в родственном по конфессии Таиланде), иногда стремятся приобрести новых приверженцев своей веры в западных странах.

Эти наблюдения были связаны, в частности, с монастырем в Васкадуве. Мы попали туда в ноябре 2009 г., проезжая мимо, когда двигались с юга в сторону Коломбо с несколько иными задачами. Повезло оказаться вблизи старинного монастыря, в котором около ста сорока лет назад, в середине 70-х годов XIX в., бывал Иван Павлович Минаев (1840–1890), основатель русской индологической школы (рис. 14).

В те времена настоятелем монастыря (он же был и его основателем) являлся достопочтенный Шри Субхути. Этот человек, которого его последователи называют и великим Учителем, и даже архатом, был прославлен как большой специалист в области древних языков — санскрита и пали — и в самом буддийском учении считался глубоким знатоком. Слава эта была распространена и в кругах европейских ученых-востоковедов. И.П. Минаев, впервые познакомившись со Шри Субхути, высоко оценивал его ученость, навещал его в монастыре Васкадува, вел беседы, а затем и состоял в переписке. Шри Субхути помогал русскому индологу в нахождении важных буддийских текстов, в которых тот нуждался для своих исследований. И.П. Минаев держал своего корреспондента в курсе последних научных открытий в области истории буддизма и буддийской культуры, которые происходили в европейской востоковедной среде.

Заглянули мы в этот монастырь наобум, без договоренности: настоятеля в монастыре не было, сказали, что у него уроки в школе. Нашей целью было знакомство с памятным (в связи с биографией И.П. Минаева) местом, и встреча с настоятелем заранее не планировалась. Но пока мы в сопровождении монастырского послушника из Бангладеш осматривали территорию монастыря и его архитек-

турные сооружения, настоятель появился. Достопочтенный Махиндаванса Маханаяка-тхеро возглавляет два монастыря и занимает очень высокое положение в одной из местных ветвей буддизма — *амарапура-никая*.

Любезный хозяин монастыря тут же пригласил меня в свой кабинет (это отдельное небольшое строение, кажется, самое старинное на данной территории; тут, судя по всему, и принимал И.П. Минаева его сингальский корреспондент — ученый монах Шри Субхути). Вошла я в помещение в туфлях, но села, подчеркивая вежливость, на невысокую скамеечку возле кресла монаха. И, к моему изумлению, в первые же минуты нашей встречи Махиндаванса-тхеро, сначала предложив чаю (от которого я отказалась), предъявил мне письма И.П. Минаева, в свое время адресованные Шри Субхути (рис. 15). К моменту нашей встречи они бережно хранились в монастыре уже 135 лет!

После беседы о Минаеве и Шри Субхути настоятель сам прошелся со мной в качестве гида по главным монастырским объектам. В частности, показал новый «дом образа Будды», построенный на средства благотворителей из Таиланда; а в центре территории — статую Идущего Будды (образ, нехарактерный для сингальской традиции, но типичный для тайского буддийского искусства).

Затем достопочтенный Махиндаванса Маханаяка-тхеро высказал пожелание узнать, не сохранились ли в Петербурге письма его предшественника к И.П. Минаеву. Для него и его учеников такие письма, сказал он, стали бы дорогой реликвией. Тем более что им задумано создание в монастыре музея, посвященного памяти Шри Субхути.

Спустя некоторое время мне удалось обнаружить такие письма в Архиве востоковедов, о чем я и сообщила почтенному корреспонденту. И тогда Махиндаванса-тхеро задумал увидеть эти письма, посетить места, связанные с жизнью и работой И.П. Минаева, а также встретиться с русскими учеными-востоковедами. Приехав в Москву по приглашению существующего там буддийского общества «Самма Диттхи», он выделил один день для поездки в Петербург. К этому времени удалось организовать для него несколько интересных встреч. В Институте восточных рукописей ему показали письма Шри Субхути и подарили их факсимильные копии. В библиотеке восточного факультета СПбГУ его познакомили с книгами И.П. Ми-

наева (в том числе с личным автографом) и некоторыми рукописями из минаевской восточной коллекции.

Наиболее продолжительная встреча состоялась в МАЭ РАН. Директор музея сам рассказал почетному гостю об истории музея и показал некоторые экспозиции (рис. 16). В отделе Южной и Юго-Западной Азии МАЭ мы устроили встречу и угощение для приезжего монаха и его ланкийского спутника — переводчика (похоже, одновременно этот человек был и телохранителем, владеющим соответствующими видами единоборств): обед был приготовлен в ланкийских традициях (рис. 17) и, кажется, гостям понравился. Чтобы показать свою почтительность и осведомленность о культуре сингалов, сидение для монаха мы постарались сделать повыше и покрыли его белой тканью.

Махиндаванса Маханаяка-тхеро приехал в Россию с дорогой реликвией из своего монастыря — фрагментом зуба Будды (рис. 18) — и во время визита благословлял ею тех, кто его принимал (жест самой глубокой доброжелательности).

В залах музея наш гость смог пообщаться и с обычными посетителями. Он с неподдельным любопытством интересовался всем, что ему показывали, радовался предметам из Шри Ланки в постоянной экспозиции «Народы Южной Азии» (рис. 19, 20). Здесь же он еще раз проявил свое доброе отношение и покровительство к окружающим: некоторым сотрудникам и даже случайным посетителям музея он повязал на руку *пирит-нул* — охранную нить (рис. 21), специально приготовляемую в монастырях Шри Ланки. Там считается, что это защищает здоровье и благополучие человека. Думаю, что делалось это от души и без корысти, но все же и с некоторыми прозелитическими надеждами. Отмечу, что в отношениях монастыря из Васкадува с упомянутым московским буддийским обществом, как оказалось, есть и деловые контакты: например, вместе они устраивают для россиян паломнические туры по святым местам Шри Ланки.

В целом же, я все еще поражаюсь (хотя, казалось бы, давно должна была привыкнуть) свободе, открытости и доступности, которую сингальские буддийские монахи проявляют (как в отношении самих себя, так и своих святынь) в общении с чужаками (рис. 22). Но, конечно, чужак должен быть сам доброжелателен и вежлив.

Рис. 1. Средневековая статуя Будды в Полоннаруве. Фото автора

Рис. 2. Небольшая ступа в Катарагаме. Фото автора

Рис. 3. Уличная сцена в г. Галле. Фото автора

Рис. 4. Храм Зуба Будды в г. Канди. Фото автора

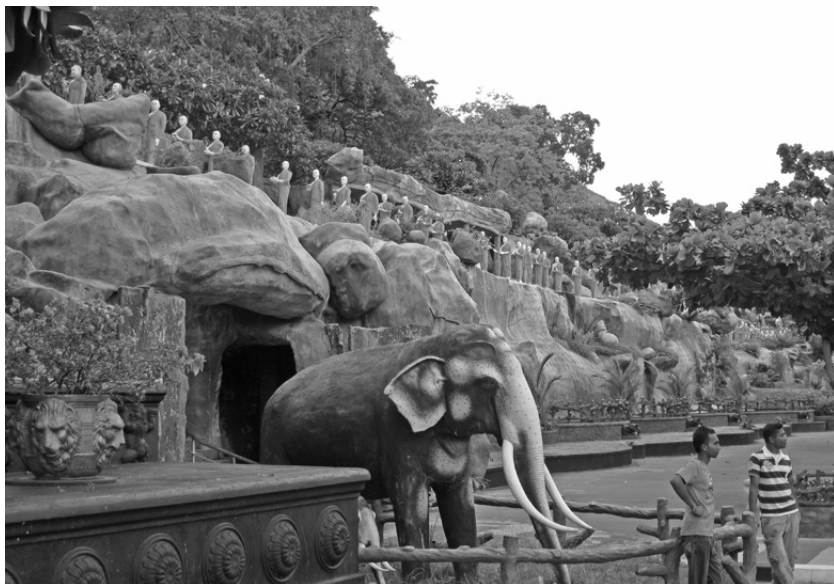

Рис. 5. Пещерный храм и монастырь в Дамбулле. Основан в I в. до н.э.
Современный вид на гору. Фото автора

Рис. 6. Вот так сингалы угощают не-родственника. Фото Р.Д. Сенасинхи

Рис. 7. Таков земной поклон, в данном случае перед изображением Будды. Фото Р.Д. Сенасинхи

Рис. 8. Пожилая мирянка на беседе в монастыре. Фото Р.Д. Сенасинхи

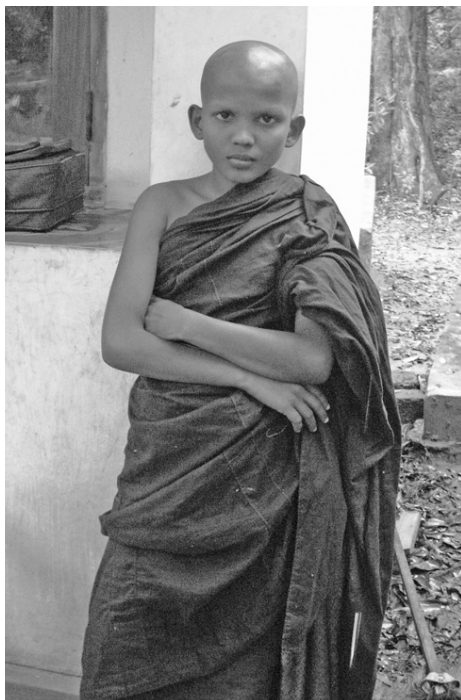

Рис. 9. Юный послушник.
Фото автора

Рис. 10. Эти монахи заговорили со мной по-английски.
Фото автора

Рис. 11. Гигантская статуя Будды в Аукане. V в. н.э.
Фото Р.Д. Сенасинхи

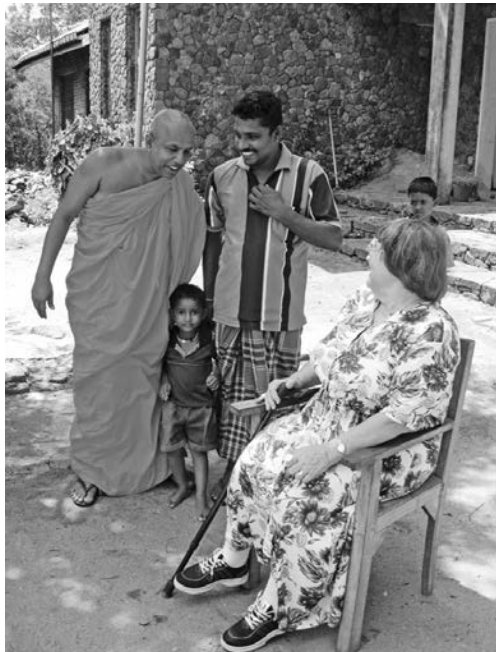

Рис 12. Беседа
с настоятелем монастыря
в Аукане.
Фото Р.Д. Сенасинхи

Рис. 13. Монастырь в Васадуве. Фото автора

Рис. 14. Старинное монастырское строение в Васадуве, где бывал И.П. Минаев. Фото Р.Д. Сенасинхи

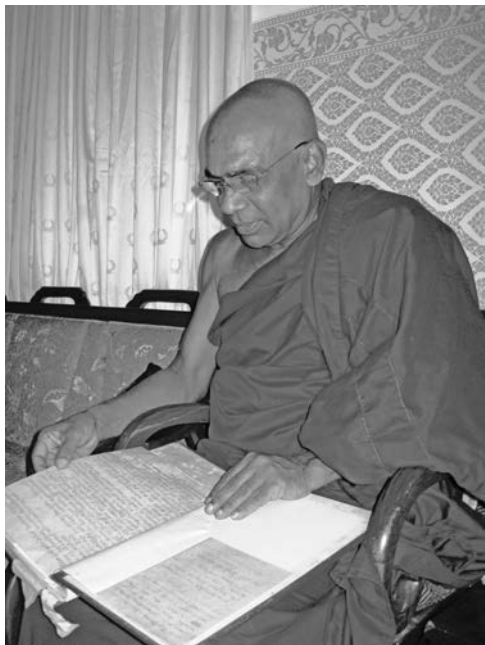

Рис. 15. Достопочтенный
Махиндаванса-тхеро
рассматривает свои архив-
ные материалы. Фото автора

Рис. 16. Беседа в кабинете Ю.К. Чистова. Фото Е.С. Соболевой

Рис. 17. Угощение для ланкийских гостей, приготовленное соответственно сингальским вкусам. Фото Е.С. Соболевой

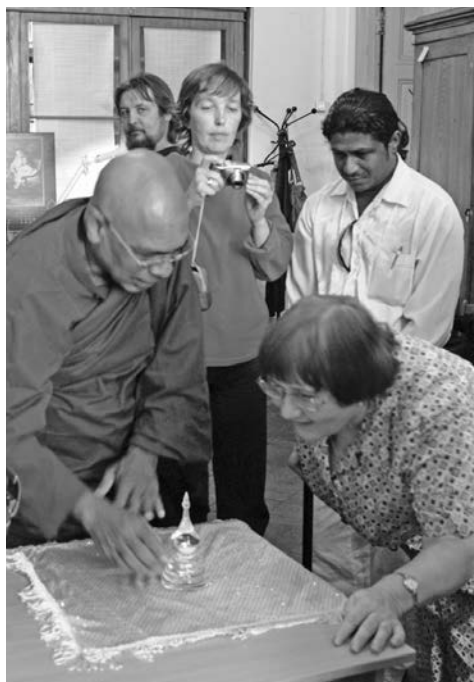

Рис. 18. Демонстрация реликвии.
Фото Е.С. Соболевой

Рис. 19. Достопочтенный
Махиндаванса-тхеро
на экспозиции «Народы
Южной Азии» возле
буддийских предметов.
Фото Е.С. Соболевой

Рис. 20. Достопочтенный
Махиндаванса-тхеро
возле шкафа
с сингальскими
театральными масками.
Фото Е.С. Соболевой

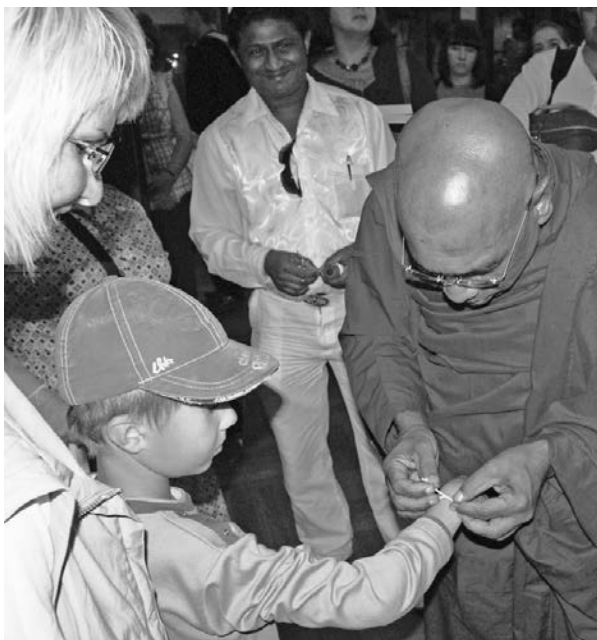

Рис. 21. Достопочтенный Махиндаванса-тхеро повязывает охранную нить юному посетителю МАЭ. Фото Е.С. Соболевой

Рис. 22. На экспозиции «Народы Южной Азии»: снимок на память. Фото Е.С. Соболевой

Библиография

Краснодембская Н.Г. О религиозно-культурной системе сингалских буддистов // Страны и народы Востока. Вып. XVIII: География. Этнография. История. Памяти А.В. Королева. М., 1976. С. 106–115.

Краснодембская Н.Г. Магико-религиозный комплекс в мировоззрении сингалских буддистов // Республика Шри Ланка: история и современность. М., 1977. С. 45–52.

Краснодембская Н.Г. Обрядовая практика современных сингалских буддистов // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980. С. 151–164

Краснодембская Н.Г. Рисунки сингалского культа «бали» // Сборник МАЭ. Л., 1980. Т. XXXV. С. 135–143.

Краснодембская Н.Г. Традиционное мировоззрение сингалов (обряды и верования). М., 1983.

Краснодембская Н.Г. Буддизм: истоки, идеи, догмы // Азия и Африка сегодня. 1985. № 6. С. 58–61.

Краснодембская Н.Г. Буддизм: идеалы и реальность // Азия и Африка сегодня. 1985. № 7. С. 58–61.

Краснодембская Н.Г. Тойил в Полгасовите (о символике обряда демонического культа сингалов) // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986. С. 180–196.

Краснодембская Н.Г. Культ яков у веддов и сингалов как реминисценция древнейшего культа предков // Конференция ИНИОН и Института археологии АН СССР «Религиозные представления в первобытном обществе»: Тез. докл. М., 1987. С. 243–244.

Краснодембская Н.Г. Шри Ланка: этнический конфликт и проблемы национальной культуры // СЭ. 1988. № 4. С. 49–61.

Краснодембская Н.Г. Национальное самосознание и отношение к национальной культуре в Шри Ланке // Этнокультурные процессы в странах зарубежной Азии. XX век / Отв. ред. Р.Ф. Итс. М., 1991. С. 54–86.

Краснодембская Н.Г. Праздничное шествие в монастыре Беланвилла и новая встреча с демоном Гара-якой // ЭО. № 2. 1993. С. 103–112

Краснодембская Н.Г. Ланкийский демон Маха-Сохола (внешний вид и функции) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1994. Вып. 5–6. С. 194–201.

Краснодембская Н.Г. Религиозность как понятие культуры у ланкийцев (из личных наблюдений) // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 1996. Вып. 3. Ч. 2. С. 394–405.

Краснодембская Н.Г., Хандуруканде Р. Учитель и монах в этикетном контексте у сингалов (современные коллизии) // Этикет у народов Южной Азии / Отв. ред. Н.Г. Краснодембская. СПб., 1999. С. 281–290.

Краснодембская Н.Г. Прозелитизм или открытость? (К размышлениям о судьбе старых религий в новом тысячелетии) // Вера и ритуал: Материалы VIII Санкт-Петербургских религиоведческих чтений. Декабрь 2001 г. СПб., 2001. С. 128–130.

Краснодембская Н.Г. Буддизм и общая религиозная ситуация в Шри Ланке // Буддийская культура и мировая цивилизация: Материалы Третьей российской науч. конф. (22–26 сентября 2003 г.). Элиста, 2003. С. 160–169.

Краснодембская Н.Г. Будда, боги, люди и демоны. СПб., 2003.

Краснодембская Н.Г. О некоторых чертах национального характера и этикетного поведения сингалов-буддистов // Четвертые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир». СПб., 2011. С. 333–338.

Krasnodembskaya N.G. Popular beliefs in the Sinhalese Buddhism // General problems of Anthropology and Ethnography of the South Asia. X International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Delhi, India. December 10–21. Moscow, 1978. P. 215–227.

Krasnodembskaya N.G. Ethnic Conflict, Folk Culture and Ethnographic Science: Sri Lanka // Ethnicity, Caste and People. India and the Soviet Union / Ed. by K.S. Singh. New Delhi, 1992. P. 281–285.